

Память

Наша память не просто хранит информацию, но и непостижимым образом фильтрует ее, «чистит», систематизирует и исполняет запросы на «выдачу». Ни одно из технических устройств сегодняшнего или завтрашнего дня не сможет конкурировать с живой человеческой памятью. Наша память избирательна — она добра, стыдлива, оптимистична. Она же не забывает и тяжелых, болезненных событий нашей биографии. Но не для того, чтобы подталкивать нас к мелочному сведению счетов, мести или тягостному самоуничтожению, а с целью уберечь нас от повторения ошибок, обеспечить самосохранение, защитить наших родных, близких, этнос, частью которого каждый из нас является. Наша память регулярно и зачастую бессистемно (на первый взгляд) выдает на «монитор» тот или иной сюжет из своих «запасников». Наверное, всего вышесказанного вполне достаточно для объяснения моего желания поведать бумаге и, возможно, будущему читателю те сюжеты из личного жизненного опыта, которые время от времени, по разным поводам, а иногда и без оных, подбрасывает память. Нередко они напоминают всполохи на фоне вечернего или ночного небосвода. Мне не ведомы закономерности этого явления, очень яркого и красивого, но неожиданного. Некоторые всполохи пугают, поскольку нередко являются предвестниками грозы или бури. Иногда эти яркие вспышки света выхватывают не самые живописные части окружающего пейзажа, что также может тревожить ум и совесть.

Подчиняюсь этим неотменимым закономерностям и отдаю себя в распоряжение моей памяти, надеясь на ее мудрую избирательность и целебную доброжелательность.

Детство. Чистая, добрая и светлая пора. Мое детство деревенского мальчишки не было ни сытым, ни заласканным. Но не суровые реалии советской колхозной деревни, не остро ранящие детскую душу случаи несправедливого к себе отношения выдает моя сегодняшняя память.

Утро

Лето. Июль. Утро. Семь часов не самая ранняя пора для подъема. Но вставать очень не хочется, а надо. Только мама может так разбудить — ласково и настойчиво.

Уже оказавшись на крыльце, вижу, как хорошо успело поработать солнышко, заметно поднявшееся над горизонтом. А сколько сделано на подворье — подоена корова и отправлена во главе небольшой команды в стадо, чисто подметен двор, накормлены гуси, утки, куры. Снисходительно миролюбив сытый петух, даже в будние дни содержащий в идеальном порядке свой праздничный наряд.

Любимое утреннее занятие — ревизия огорода. Донедаме верю, что именно ночью на грядках происходят сказочные метаморфозы. А как же иначе — ведь накануне вечером столько сил отдано поливу овощей и ягод! Колодец с соседями на паях, поэтому приходится наперегонки с их командой тягать «журавель», нередко до тех пор, пока не обнажится желтое глинистое колодезное дно. До сих пор случаются замечательные сновидения, воспроизводящие всю гамму утренних огородных ощущений, симфонию звуков, цветов и запахов. Память бережно хранит все вплоть до ощущения мягкости и прохлады огородных дорожек.

Особое удовольствие — охота за молодыми огурчиками. Начало огуречного сезона существенно улучшало семейное меню. У кого раньше «пошли» огурцы — тот и, считалось, хозяин хороший. Трудолюбивые и удачливые хозяйки получали особую «добавку» к имени: «огуречница».

Могу до бесконечности смаковать эти теплые и милые сердцу подробности летнего деревенского утра. Они, кроме всего прочего, многообразны — в зависимости от того, идет ли речь о начале короткого сибирского лета, его пике или конце, играют роль и погодные особенности сезона. Вся прелесть в тонкостях.

Работа

Все мои, даже самые ранние детские годы прошли в труде — рядом со взрослыми, а подчас и наравне со взрослыми. Став студентом юридического вуза, я узнал о том, что многие виды детского труда, в нашем тогдашнем восприятии вполне обыденные и естественные, были запрещены и международными, и национальными правовыми актами. Но мы выполняли эти работы, так было. Это объясняется не только сельскими традициями, но и шлейфом тяжелых военных и послевоенных лет.

Работа на огороде, уход за домашними животными, поддержание жилья и надворных построек в должном порядке — понятные,

Рисунок Александра Карпова

знакомые и очевидные в своей необходимости и полезности вещи. Дом, сени, кладовая тщательно прибиралась как минимум два-три раза в год. Первый раз — в мае, после посадки картофеля, когда дом освобождается от завалинок, тщательно проветривается и белится. Не уверен, что сегодняшние мои земляки знают, где и как добывалась белая глина, как она хранилась и как использовалась при побелке жилищ. Второй раз дом и подворье приводится в порядок в конце сентября — начале октября, когда урожай картофеля просушивается, засыпается в подпол и погреб, завалинки возвращаются на свои законные места, а дом белится внутри, и при необходимости — снаружи. А накануне праздника Троицы дощатые полы не просто мылись, а надраивались при помощи металлических щеток, ножей и других инструментов до матовой белизны. Полы засыпались свежесорванной луговой травой, а рамы зеркал, фотографий, божницы с иконами (в некоторых домах, чаще у пожилых сельчан, они имелись) украшались ветками березы, полевыми цветами. По сей день помню запах слегка подвядшей зелени, чистоты и ожидания праздника, всю ту атмосферу, которая окружала нас в те особые дни.

Удивительно, но факт — в простых крестьянских избах воздух был более здоровым, чем в некоторых жилищах наших современников, оснащенных всеми коммунальными удобствами. В зимнее время в избах появлялись дополнительные жильцы: только что народившиеся телята или ягнята. Для Сибири с ее жестокими морозами это чуть ли не единственный способ выживания молодняка. Часть обязанностей по уходу за коровьими и овечьими «младенцами», в том числе и весьма деликатного свойства возлагалась на детенышей человеческих.

Сенокос

На сенокос выходила вся деревня, и дети, и подростки — тоже. Трудно назвать другой вид сельского труда, который в большей мере объединял бы людей, сблизил их с природой, имел такое важное значение для всего уклада сельской жизни и ее качества.

Любой труд на земле тяжел. Механизация тогда была минимальная, а скирдование, или иначе — стогометание, почти полностью строилось на ручном труде. Только терпеливые колхозные лошадки брали на себя часть работы — подвоз копен сена на волокушах к стогу.

Мы, деревенские пацаны, привлекались к общей работе главным образом в качестве копнозов-наездников. Наши скакуны имели не самый презентабельный вид — возрастные, изможденные, не очень упитанные и ухоженные. Сёдел нам не полагалось — кусок старого войлока (потника, как у нас говорили) или фуфайки, наброшенные на худой круп закреплённой лошадки, служили заменой седла. Но как же мы дорожили своими лошадками, как гордились их действительными или придуманными нами достоинствами. Зачастую и скромную хлеба горбушку делили пополам, за что нас справедливо ругали взрослые.

Изнуряющая жара, пыль, зудящие и жалящие насекомые — неотъемлемые элементы этой отнюдь не пасторальной картины. Хорошо помню хождение по стерне, остающейся после косыбы нижней, наиболее жесткой части стеблей травы. Передвигаться по такой не бархатной дорожке было весьма травматично. Приходилось выбирать участки с более мягкой стерней, а также ходить и бегать лыжным шагом, приминая подошвой по ходу движения жесткие стебли. Все

мы, ребяташки, занятые на сенокосе, не имели обуви, ходили босиком. К концу лета наши стопы были покрыты толстым слоем ороговевшей кожи, мы вполне могли бы соревноваться с индийскими факирами в хождении по гвоздям, битому стеклу или раскаленным углям.

Взрослые как могли старались облегчить наше участие в сенокосе. К обычному обеденному меню добавляли небольшую порцию свежего меда с колхозной пасеки или свежесобранной малины из колхозного же сада.

Но самым желанным поощрением для нас, детей и подростков, было разрешение съездить верхом на лошадях на водопой и купание к ближайшему водоему. В нашей сухой степи речек и озер было совсем немного и проявляли они себя активно лишь в короткую пору весеннего паводка.

К середине лета сохранившиеся омутки можно было отыскать с трудом, но ценность купания коней от этого только возрастала. Несмотря на наказания старших, дорога к водопою нередко превращалась в импровизированные скачки, где побеждал, конечно же, сильнейший и храбрейший наездник, а на самом деле — тот, кому повезло с более молодой и резвой лошадкой. Но сколько вокруг этого бушевало эмоций, сколько глубоких и оригинальных суждений высказывалось.

Именно с сенокосной порой связана другая, уверен, сохранившаяся в памяти каждого человека, тема первых заработанных честным трудом рублей. А если быть более точным — не рублей, а так называемых трудодней — условных единиц учета труда. Иными словами, в табелях указывались отработанные часы и трудовые обязанности труженика, в том числе и малолетнего, а также количество начисленных условных единиц (трудодней). Окончательный размер оплаты определялся в конце хозяйственного года на общем собрании членов колхоза в денежном и натуральном (продуктовом) выражении в зависимости от финансовых результатов деятельности колхоза. Вот такая политэкономия социализма в восприятии сельского мальчишки. Как же было трудно объяснить все это мне для моей доброй матушки, которая и читать-то могла с трудом! Особенно для меня было непонятным, почему с момента начисления зарплаты (примерно полтрудодня за ненормированный день работы) до реального получения хоть какой-то оплаты нужно было ждать не менее полугода!

Школа

Для меня школа была и остается олицетворением всего доброго, светлого и чистого, что подарила мне судьба. Еще в раннем детстве взрослые формировали в моем сознании понимание учебы как важнейшего дела в жизни, от которого очень много зависит. С авторитетом школы был сопоставим только авторитет учителя. Не только мои родные, но и все соседи, односельчане исключительно уважительно относились к школьным учителям, а среди них были и убежденные седины, и только вступившие

во взрослую жизнь молодые люди. Беспрекословный пиетет к школе и учителям объяснялся в определенной степени тем, что многие взрослые, окружавшие меня в детстве, сами не могли похвастаться сколько-нибудь серьезным образованием, хотя хотели бы его иметь. Образованный, культурный человек всегда был олицетворением успешности, достойной жизни.

Итак, 1 сентября далекого уже 1958 года стало для меня стартом школьной карьеры. Несколько неожиданно для меня. Ведь в то время в 1-й класс принимали только тех, кому исполнилось полных 7 лет. Но Анна Григорьевна, учительница будущих первоклассников, за пару недель обходила дома своих учеников и увидела меня, игравшего на улице. Мне удалось продемонстрировать свое умение читать по слогам, чему я научился, постигая заголовки статей в районной газете и лозунги на красочных плакатах ценою по пять копеек, которыми торговал наш сельский почтальон. Такие плакаты, пропагандирующие мир, труд, май, дружбу с китайцами и много других важных вещей, украшали стены почти каждой избы. Ну чем не пособие для чтения? На школьной линейке среди моих одноклассников я выделялся особым образом — я был бос (как несколько других первоклассников) и у меня не было ранца или портфеля (таких тоже было несколько). Но только у меня сочетались оба «преимущества». Я совершенно спокойно к этому относился, тем более что домашние разъяснили: моя неготовность к первому звонку была вызвана скоропалительностью в решении принять меня в школу. Думаю (сейчас), что взрослые несколько лукавили. Однако одно обстоятельство едва не довело меня до слез. В понятной суете старшеклассники, вручавшие первоклассникам скромные букетики, составленные из цветиков-семицветиков, растущих в деревенских палисадниках, обошли меня, наградив кого-то двумя букетиками. Недоразумение быстро поправили и счастье мое вновь стало ярким и безоблачным.

Школа наша размещалась в приспособленном к местному клубу пристрое и состояла из коридора, учительской и нескольких классных комнат. Отапливалось помещение двумя печами-голландками, обитыми металлическими листами. В углу коридора на табуретке стоял оцинкованный бак с питьевой водой и прикрепленной к его ручке цепочкой алюминиевой кружкой. В классах стояли типовые школьные парты. Школа работала в три смены, с раннего утра до позднего вечера. И это считалось вполне приемлемыми условиями, никакого недовольства или роптания. Да, конечно, все «удобства» находились на улице, а пилить и колоть дрова на зиму было обязанностью старших учеников и учителей-мужчин.

Школьная жизнь текла размеренно, подчиняясь естественным природным циклам и общественным алгоритмам. Например, физкультура включала в себя виды спортивных занятий, соответствующих сезону, при этом максимально возможное число уроков проводилось на свежем воздухе: летом — баскетбол, футбол, легкая атлетика; зимой — лыжи. Наши учителя умудрялись в непогоду проводить уроки

физкультуры в школьном коридоре. Из всего спортивного инвентаря в школе имелись несколько футбольных и баскетбольных мячей.

Особое место в моих воспоминаниях о школьных годах принадлежит учителям. Удивительно, но большинство из них запечатлены в моей памяти не только по именам и отчествам, но и портретно, с особенностями характера, привычками, методиками доведения до нас учебного материала. Конечно, были у нас и конфликты с наставниками, были и детские шалости, да еще какие! Но во всем этом не было злобы, вражды, жестокости. Преобладало уважение учителя и абсолютное доверие к информации, которую нам излагали. Оно и понятно, ведь других, конкурентных школе каналов получения системных и разнообразных знаний практически не было, не считая небольшой сельской библиотеки (одной на четыре населенных пункта), кинопередвижки (установка в клубе стационарного киноаппарата — отдельное значимое событие в культурной летописи села) и радиотрансляций по проводной сети (в каждом доме имелся небольшой репродуктор). Но школе принадлежало несомненное лидерство. Учительское мнение было весьма авторитетным не только для детей, но и для взрослых. Вопросы, с которыми к ним обращались, нередко выходили далеко за рамки школьных программ. Учитель был не только кладезем знаний, но и образцом поведения на работе и в быту.

Одно из наиболее ярких воспоминаний школьной поры — 12 апреля 1961 года. День первого космонавта планеты Юрия Гагарина.

Помню этот замечательный солнечный весенний день. Часть сугробов уже растаяла, образовав притягивающие нас первые лужи и ручейки. Мы возвращались из школы домой. В это время

из репродуктора, закрепленного на телеграфном столбе в центре села, голос диктора, звучащий особенно торжественно, сообщал о грандиозном прорыве — первом полете советского человека в космос. Что такое космос в представлении десятилетних сельских ребятшек? Мы не имели даже самого общего представления об этом, но настроение было более чем праздничное. Мы подбрасывали в небо шапки, радостно выкрикивали «ура», заражая своим весельем всю округу. Радовались все. Искренне, от всей души, без какого-либо приказа или научения.

Спустя много лет, уже взрослым и хорошо пожившим человеком мне удалось побывать в Музее космонавтики имени К. Э. Циолковского в Калуге. Его экспозиция впечатляет, в том числе и обилием подлинных экспонатов, отражающих веки космической эры, она включает первые ракеты, спутники, космические корабли.

В ходе и после посещения музея меня не оставляла мысль о том, какими усилиями давались стране и людям космические победы. Понятно, что достижения науки и техники, талант ученых и героизм непосредственных участников космической эпопеи играли в этом основную роль. Но не меньшее значение имели материальные и финансовые ресурсы, работавшие на космос. Их приходилось консолидировать, ущемляя другие земные отрасли. Отсюда и скромные зарплаты, и бедные школы, больницы, отсутствие дорог, и много, много других проблем. Спустя годы я понял, что мое нахождение на первой школьной линейке босым и без портфеля было косвенным подтверждением моего личного участия в освоении космоса. Цыпки, правда, на ногах сильно побаливали, но это уже другая история. ■

Рисунок Александра Карпова

